

История изучения славяно-венгерских языковых контактов берет свое начало в классических трудах Ф. Миклошича [1] и Б. Мункачи [2], исследования которых до сегодняшнего дня служат ценными источниками для историко-этимологического анализа общностей в лексике языков карпато-балканского ареала и для наблюдений над славяно-венгерским языковым взаимодействием. Вместе с тем в современной карпатистике и балканистике все острее ощущается недостаток в фактических языковых данных и, что, быть может, еще важнее — приближенность и поверхностность в историко-филологической, а следовательно, и этимологической работе материала. Рецензируемая книга Л. Хадровича в значительной степени устраняет одну из таких лакун, давая в полном смысле слова современную характеристику лексики венгерского происхождения в сербохорватском языке.

Основная и по объему, и по значению часть монографии Л. Хадровича представляет собой историко-этимологический словарь венгерских заимствований в сербохорватский. Собственно словарной части предпослано несколько разделов вспомогательного характера (историко-культурный фон венгеро-сербохорватских контактов, лексикографические и иные источники, история вопроса, фонетические и словообразовательные особенности венгерских заимствований, отличительные черты иноязычных лексических элементов в венгерских передачах) и небольшие главы, посвященные венгерскому влиянию на сербохорватский язык за пределами собственно лексики — в словообразовании, синтаксисе и т. п. Во многих случаях автору удается убедительно аргументировать венгерское происхождение сербохорватских словообразовательных формантов (-šag < венг. -ság, -ov < венг. -ő), калек [hišivo «брак» ~ венг. házasság «то же», polhódec «посредник» ~ венг. (устар.) közbejáró «то же»], устойчивых сочетаний и специфических типов глагольного управления. Вместе с тем не все наблюдения этого рода в одинаковой степени доказательны: мы не можем без очень существенных оговорок согласиться с утверждением Л. Хадровича о венгерском происхождении сербохорватских суффиксов -uš, -oš, -as, -iš — они, безусловно, имеют венгерский источник в лексических заимствованиях из венгерского (типа čardaš «танец чардаш», gulaš «пастух; гуляш»), но столь же неоспоримо их исконно славянское происхождение в производных от славянских основ. Так, считая унгаризмом (и при-

том, судя по библиографической ссылке, hарах'ом) хорв. bjelaš «солдат в белой форме», Л. Хадрович неправомерно оставляет за скобками такие фиксации, как bjelaš «лошадь светлой масти» [3], не говоря уже о других данных, допускающих надежную реконструкцию слав. *bēlašъ (наряду с *bēlošъ) [4]. Возражения вызывают и некоторые из предлагаемых автором историко-этимологических объяснений устойчивых словосочетаний, которые в венгерском языке сами являются кальками соответствующих немецких конструкций: доказательство их венгерского, а не немецкого происхождения в сербохорватском требует куда более тонкой и обстоятельной аргументации, чем та, что предлагается Л. Хадровичем.

Основная часть книги — историко-этимологический словарь — содержит тщательно выполненное автором описание сербохорватской лексики венгерского происхождения. Каждая словарная статья содержит заглавное (сербохорватское) слово во всех его графических вариантах, немецкий перевод и перечень наиболее существенных его фиксаций, включая наиболее ранние, с датировкой и указанием источников (редкие сербохорватские слова имеют исчерпывающую документацию, т. е. указания на все контексты, в которых автору встретилось то или иное слово). Затем предлагается этимология соответствующей лексемы, причем обоснование предлагаемого решения излагается с большой степенью подробности и с опорой на богатую этимологическую литературу.

Здесь уместно подчеркнуть, что реализованная в словаре структура историко-этимологических статей, исключительно подробных и прекрасно документированных, представляет собой едва ли не самую сильную сторону рецензируемой книги, которая в этом плане может быть признана образцовой. Нередко изучение ранних фиксаций сербохорватских лексем позволяет автору с беспорочно продемонстрировать их ограниченное употребление в пространстве и во времени, принадлежность к слою локальных, окказиональных унгаризмов в хорватских говорах или в хорватской литературной норме определенного периода. Более позднее распространение этих слов в сербохорватском ареале, предлагаемое не по письменным памятникам, а по словарным фиксациям, легко могло бы ввести в заблуждение исследователей: историко-ареальный подход к лексике, используемый Л. Хадровичем, во многих случаях позволяет с полной достоверно-

стью установить венгерское происхождение этимологически темных сербохорватских слов.

Лингвогеографические аргументы во многих случаях приобретают решающее значение. Так, например, с чисто фонетической точки зрения форма *gavaler* «рыцарь, дворянин, кавалер» может восходить и к венг. *gavállér*, и к бавар.-австр. *gáwaller* (литерат. нем. *Kavalier*), однако то обстоятельство, что она бывает преимущественно в кайкавских говорах и в сербских говорах Венгрии, позволяет автору видеть источник сербохорватского слова в венгерском. Сходным образом решается проблема происхождения слова и во многих других словарных статьях, например, в статье о лексеме *tulipán* «тюльпан», где обращение лишь к историко-фонетическим аргументам было бы недостаточным для выбора одной из трех возможных версий — венгерской, немецкой и итальянской.

Богатый лексико-этимологический материал, собранный Л. Хадровичем, содержит (частично в имплицитной форме) интересные сведения о характере венгерско-сербохорватских языковых и этнических контактов. В этом плане не лишена интереса семантическая классификация венгерских заимствований, данная в книге. Здесь мы хотели бы указать еще на одну особенность венгерской лексики в сербохорватском языке, которая, несомненно отражая своеобразие венгеро-сербохорватских связей, как будто не привлекла до настоящего времени должного внимания. Речь идет о вторичном заимствовании в сербохорватский венгерских слов славянского происхождения. Само это явление неоднократно отмечалось в научной и даже научно-популярной литературе, но, пожалуй, на правах уникального феномена, лингвистического курьеза. Между тем материалы рецензируемой книги показывают, что перед нами не курьез, а массовое явление. В эту своеобразную группу сербохорватских слов венгерского происхождения входят (хотя предлагаемый список и не претендует на исчерпывающую полноту): *akov* «ведро», *astal* «стол», *balvan* «идол», *bakpa* «золотая монетка», *bereg* «болото», *bolond* «сумасшедший», *cikla* «свекла», *čoka* «галка», *čorda* «стадо», *daprap* «кусок», *darovec* «драп», *doronga* «шест», *gazda* «хозяин», *henjati* «прекращать(ся)», *horvat* «хорват», *inaš* «оруженосец, слуга», *išpan* «начальник комитата, надзиратель», *kailan* «котел», *kočka* «(игральная) кость», *konec* «десть», *kormanj* «руль, кормило» и т. д. Всего подобных «обратных заимствований» (Rückentlehnungen) в словаре насчитывается более пяти десятков, и дело здесь не только в абсолютном их числе (хотя и оно немаловажно), но и в том,

что в сходных, казалось бы, ситуациях тесных языковых контактов (например, при изучении албано-южнославянских взаимодействий) не обнаруживается ничего похожего. Тем самым, напрашивается вывод, что описанное выше явление отражает какую-то пока недостаточно описанную и не проанализированную черту сербохорватско-венгерского и, шире, славяно-венгерского языкового взаимодействия, черту, имеющую, вероятно, прямое отношение к специфике славяно-венгерских этнических контактов, особенно на ранних их этапах.

В целом предлагаемые автором этимологические решения находятся на весьма высоком уровне. Вместе с тем этимологическая часть книги выиграла бы, если бы Л. Хадрович расширил языковую базу, на которой он строит свои этимологии, — ограничение венгерским и сербохорватским материалом (видимо, сознательное), на которое пошел автор, не только лишает этимологии Л. Хадровича необходимого карпато-балканского «фона», но и приводит подчас к неоправданному отрыву сербохорватских лексических данных от материала других славянских языков. Отсюда и прямые ошибки этимологического характера. Так, например, анализируя слово *bota* «дубин(к)а», автор истолковывает его как заимствование из венг. *bot* «палка, дубин(к)а», объясняя конечное -а сербохорватской формы как след венгерского притяжательного суффикса -а. Все это построение в целом не может вызвать доверия, поскольку данные других славянских языков (болг. *бѹт* «большой деревянный молот», словен. *bdt* «дубинка, колотушка», русск. диалектн. *бот* «ботало») дают достаточные основания для реконструкции праславянского **bota*, соотносительного с **botati* «толкать, бить» [5]; очевидно, что серб.-хорв. *bota* является морфологическим вариантом **botъ*. В свете сказанного венг. *bot* трудно рассматривать иначе, как заимствование из слав. **botъ*. Обращаясь к слову *galiba*, *galidba* «трудности, неприятности, шум, крик», Л. Хадрович правильно объясняет его как заимствование из венг. *galiba* «стеснение, бедственное положение, мучение». При этом исследователь опирается, как можно понять, преимущественно на соображения хронологического порядка (в то время как венгерское слово засвидетельствовано с середины XVI в., сербохорватское встречается лишь с 1755 г.). Между тем, если бы Л. Хадрович с большим вниманием отнесся к этимологии венг. *galiba*, он получил бы дополнительные доводы в пользу своей точки зрения. Действительно, венг. *galiba* — этимологически прозрачное заимствование из слав. **goliba*, соотносительного с глаго-

лом **goliti*, семантика которого включает и значения типа «грабить, обворовывать» (болг. *голя*). То обстоятельство, что в первом слоге серб-хорв. *galiba* представлено -а-, а не -о-, недвусмысленно указывает в таком случае на «обратное заимствование» из венгерского.

Значение книги Л. Хадровича безусловно шире ее названия: богатый и интересный материал книги полезен не только тем, что автор предоставил в наше распоряжение значительное количество совершенно новых данных по венгеро-сербохорватским данным, но и тем, что отныне эти данные будут использоваться специалистами по славянской этимологии самых различных профилей. Ограничимся лишь одним примером: согласно принятому в этимологии мнению [6], русск. *фетюк*, *фитюк* «боблан, лентяй», *фатюй* «вахлак» представляют собой образование от буквы *фита*. Это объяснение, которое мы находим уже в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя («фетюк слово обидное для мужчины, происходит от фиты, буквы, почитаемой некоторыми неприличной буквой»), конечно, по существу своему народно-этимологическое. Истинное же происхождение этого слова (бывшего, вероятно, сперва принадлежностью аргю) вытекает из приводимых Л. Хадровичем названий бастарда, незаконнорожденного — венг. *fattyú* и серб.-хорв. *fačuk* и т. п. К венгерскому слову через посредство различных «тайных» языков восходит как русск. *фетюк*, *фитюк* (вероятно, образованное с помощью венгерского суффикса мн. ч. -к, как *гайдук* от венг. *hajdu*), так и *фатюй*.

Наши замечания, как можно надеяться, лишь подчеркнут научное значение

и высокий методический уровень, характерный для рецензируемого труда. Во многих отношениях книга Л. Хадровича может послужить образцом историко-этимологического изучения языковых контактов. Если в ближайшее десятилетие карпатистика и балканистика могли бы обогатиться аналогичными исследованиями по парам контактирующих языков, выполненными столь же тщательно, стала бы возможной и постановка более объемной задачи: историко-этимологического изучения карпатской и балканской лексики как целостного лингвистического явления, возникшего в результате многовекового этнолингвистического взаимодействия. Не остается сомнений, что новая книга о венгеро-сербохорватских лексических связях будет с большим интересом принята и унгаристами, и славистами.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Miklosich F. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867.
2. Munkácsi B. Magyar elemek a deli szlav nyelvekben // Nyelvtudományi Közlemények. 1882. XVII. P. 66—126.
3. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I. Zagreb, 1880. S. 380.
4. Орел В. Э. Балканские этимологии 14—28 // Этимология. 1983. М., 1986.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 2. М., 1975. С. 225—226.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 197.

Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX—XVI вв.) М.: Наука, 1986. 199 с.

Фундаментальное исследование С. А. Миронова «История нидерландского литературного языка» выпущено в серии «История германских литературных языков», осуществляемой силами сотрудников сектора германских языков Института языкознания АН СССР. Эта серия, в которую, кроме книги С. А. Миронова, входят работы по истории английского и немецкого литературных языков [1—3], ставит своей задачей на новых основаниях, учитывая целый комплекс историко-культурных процессов и явлений, попытаться рассмотреть литературный язык не только в его внутреннем развитии, но и в его многообразных социальных и культурных функциях и связях. Эти

задачи ставятся и во многом успешно решаются и в рецензируемой работе по истории нидерландского литературного языка.

Значительный интерес представляет первая глава книги, озаглавленная «Ранний (древненидерландский) период». В ней С. А. Миронов сделал попытку реконструировать некоторые элементы языковой ситуации, на фоне которой развивался нидерландский язык древнейшего периода, когда последний еще не обрел автономности в рамках западногерманского ареала и когда в нем сложным образом взаимодействовали франкские и фризско-саксонские компоненты. Автор тщательно собрал, проанализировал и обобщил